

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССCLIX.

1905.
М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	3
II. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	17
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	—
IV. Определенія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. .	29
V. Определенія отдѣла ученаго комитета по начальному образова- ванію	37
VI. Определенія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техни- ческому и профессиональному образованію	51
С. М. Кульбакинъ. Матеріалы и замѣтки по славяновѣдѣнію .	1
Д. В. Цвѣтневъ. Плъненіе царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями	31
В. В. Сиповскій. Философскія настроенія и идеи въ русскомъ романѣ XVIII вѣка	50
С. Н. Браиловскій. Новые матеріалы для біографіи В. И. Ту- манскаго	101
Г. Э. Зенгеръ. Замѣтки къ средневѣковымъ латинскимъ тек- стамъ	124
А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ лите- ратурныхъ кружкахъ Дрездена (1826—1827 гг.) . . .	159

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Ф. Глинка. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Томъ XXXV, изданный подъ редакціей д. чл. Ф. И. Урликиса. Путешествіе по Маньчжуріи Э. Э. Апертъ. С.-Пб. 1904	184
Д. П. Шестаковъ. <i>Ernst Kemmer. Die polare Ausdruckweise in der griechischen Literatur. Würzburg. 1903</i>	201
О. П. Успенскій. Византийская эпоха къ концу X вѣка. <i>L'Époque Byzantine à la fin du X-me siècle</i>	210
Н. Д. Мечулинъ. О русскомъ переводѣ „Утопія“ Томаса Мура, сдѣ- ланномъ въ XVIII столѣтіи	223
— Книжныя новости	226

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Проф. М. Я. Канустинъ. Первый международный конгрессъ школьной гигиены въ гор. Нюрнбергѣ (<i>продолженіе</i>) . .	1
Д. Поддѣвевъ. Народное образованіе въ Швейцаріи	24

См. 3-ю стр. обложки.

ПЛѢНЕНІЕ ЦАРЯ ВАСИЛІА ИВАНОВИЧА ШУЙСКАГО СЪ БРАТЬЯМИ ¹⁾).

Оставленіе Шуйскаго въ живыхъ по сверженіи съ престола. — Опасность отъ Шуйскаго и его братьевъ для ихъ недруговъ, потребность сдать ихъ въ надежныя руки. — Жолкѣвскій и его московская политика. — Старанія его захватить Шуйскихъ. — Противодѣйствіе патріарха Гермогена съ единомышленными боярами. — Помощь прежнихъ тушинцевъ. — Полученіе гетманомъ Шуйскихъ и заточеніе ихъ въ Іосифовъ монастырь и крѣпость Бѣлую. — Выѣздъ Жолкѣвскаго съ ними къ королю. — Протестъ московскихъ пословъ. — Одѣйна событія современниками и дальнѣйшія отъ него послѣдствія.

Смутное время, бывшее тяжелымъ кризисомъ во внутренней жизни Московской Россіи, осложняемымъ сторонними вмѣшательствами и воздѣйствіями, долго не давало никому укрѣпиться на царскомъ престолѣ и положить начало новой династіи, на мѣсто угасшаго рода святого Владиміра Великаго. Массѣ претендентовъ, дѣйствительныхъ или считаемыхъ таковыми, досталась горькая чаша. Много лицъ по-

¹⁾ Изъ русскихъ источниковъ первостепенныя данныя: Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Дѣла польскія, 30-ая книга, 128 — 129 л. л. (приведенъ нами ниже, въ концѣ статьи); Книга глаголемая Новый лѣтописецъ (первоначальный текстъ ея въ Русской лѣтописи по Никонову списку. С.-Пб., 1792, VIII, 145—146, 147; текстъ съ позднѣйшими переработками и приписками въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, изд. 2, М. 1788, 195—196, 197, и въ Новомъ лѣтописцѣ по списку князя Оболенскаго, Временникъ Москов. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, XVII, 124—125); *Голыковъ*, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго. М., 1790, II, 98—99, 117—118, то же въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, изд. 2, т. XII (извлеченіе изъ остающагося доселѣ неизвѣстнымъ Статейнаго списка посольства Филарета Никитича въ Польшу); Акты Историческіе, II, № 299; затѣмъ: Иное сказаніе о самозванцахъ (Временникъ, XVI, 68—69, 114, Русская Историческая Библіотека, XIII, 122); *Лаврентій*, Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М., 1784, 210; Рукопись

гибло или потерпѣло по одному подозрѣнію, что они могутъ оказаться кандидатами и соперниками; иные носили царскій титулъ, но не вступили и въ Москву; достигшіе, казалось, цѣли, Годуновъ съ сыномъ и Лжедмитрій трагически погибли у подножія трона, который заняли было они; процарствовавшій четыре года и два мѣсяца (19-го мая 1606—17-го іюля 1610 г.), Василій Ивановичъ Шуйскій насильственно былъ сведенъ съ престола и постриженъ въ монашество.

Лица, свергнушія родовитаго Василя Ивановича и сочувствовавшія его низверженію, не позволили запятнать себя царевѣйствомъ, какъ ни опасались, что, оставаясь живымъ, онъ можетъ воротиться къ власти и является соперникомъ каждому претенденту на престолъ. Опасность казалась тѣмъ значительнѣе, что низверженіе его было произведено въ-горапяхъ и группою довольно случайной, безъ прочной подготовки въ пользу какого-нибудь одного кандидата, что сторонники его имѣлись въ разныхъ слояхъ населенія и что патриархъ Гермогенъ сначала продолжалъ энергично поддерживать его, не признавая законнымъ ни сверженія, ни постриженія, съ торжественными проклятіями виновниковъ бунта, требуя возвращенія Василя на престолъ и рѣшительно отвергая кандидатуру иновѣрца. Тревоги недруговъ Шуйскаго не прекратились и послѣ того, какъ на престолъ былъ „избранъ“ (17-го августа 1610 г.) королевичъ Владиславъ и въ Мос-

Филарета, М., 1837, 39—40; *А. Поповъ*, Изборникъ, 199, 347, 420; Русская Историческая Библіотека, XIII, 230, 256, 466 и нѣкот. друг. У польскихъ и другихъ авторовъ: *Rizma Stanisława Żółkiewskiego*. Lwów, 1861, 78 (русскій переводъ Муханова, первое изданіе вмѣстѣ съ польскимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: Руконисъ Жолкѣвскаго. М., 1835, 135—136; второе изданіе подъ заглавіемъ: Записки гетмана Жолкѣвскаго о Московской войнѣ. С.-Пб., 1871, 80, и приложенія къ нимъ, 98—99, 210); дневникъ событій, относящихся къ смутному времени (Русская Историческая Библіотека, I, 209, 211 — 212), Походъ Сигизмунда III въ Россію 1609 — 1610 г.г. (тамъ же, 673—675, 678—680, 689); *Diaryusz wurgawy na wojnę Moskiewska Jana Piotra Sapiehy (Kognowicki, Życia Sapiehow*. Warszawa. 1791, II, 248, 250, ср. 264—267); *Kronika Pawła Piaseckiego*. Krakow, 1870, 233 (рус. перев. въ Памятникахъ Древней Письменности, LXVIII, 33); *Wassenberg*, Gestorum Wladislai IV, 1649, 41; *Kobiersicki*, Historia Wladislai Dantisci, 1655, 324, 354; *Woycicki*, Pamiętniki do rapanowania Zygmunda III. Warszawa, 1846, 18; *Беръ* (Буссовъ), Лѣтопись Московская съ 1584 по 1612 г. (*Устряловъ*, Сказаніе современниковъ о Дмитрія Самозванцѣ, изд. 3, С.-Пб., 1859, I, 129), Дневникъ *Маскевича* (тамъ же, II, 46) и др. Объ общихъ историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ событія—въ трудахъ *Карамзина*, *Соловьева*, *Костомарова*, *Иловайскаго*, *Платонова*, *Нѣмцевича*, *Бобржинскаго* и друг.; документы о дальнѣйшемъ—въ нашей работѣ: „Царь Василій Шуйскій и гѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 1 и 2 (Варшава, 1901—1902 г.г.).

квѣ и по городамъ стала производиться присяга на подданство ему: слишкомъ у многихъ вызывало недоумѣніе это избраніе, устроенное наскоро, искусственно и болѣе по вынужденію, и крайне многіе были имъ недовольны, да еще было загадочнымъ, согласится ли Сигизмундъ III отпустить своего сына на предложенныхъ условіяхъ.

Возбуждали къ себѣ подозрѣнія также братья Шуйскаго, князя Дмитрій Ивановичъ, женатый на честолюбивой Екатеринѣ Григорьевнѣ Малиота-Скуратовой, сестрѣ жены Бориса Годунова, заносчивый, гордый, въ качествѣ большого воеводы проигравшій Клушинскую битву, и Ивалъ Ивановичъ, начальникъ стрѣльцовъ, воевода, остававшійся еще холостымъ. Василій, по постриженіи, былъ отдаанъ подѣ началъ въ Кремлевскій Чудовъ монастырь; братья его, исключенные изъ боярской думы, сидѣли уже въ ихъ собственныхъ домахъ подѣ крѣпкою стражей¹⁾. Положеніе это казалось временнымъ, переходнымъ, и не только къ худшему: каждый изъ заключенныхъ, особенно самъ Василій, могъ послужить предметомъ движенія людей ихъ стороны, способной увеличиться и возрасти по мѣрѣ развитія непріязни русскихъ къ полякамъ, испытанія какихъ-либо новыхъ неудачъ и тяжестей и ослабленія силы конкурентовъ. Ходили слухи объ ихъ „козняхъ“, если бы даже и преувеличенные, невѣрные и намѣренно создаваемые, но тогда напередъ нельзя было поручиться ни за что. Для недруговъ Василія было дѣломъ не одной простой осторожности, чтобы удалить, сдать всѣхъ Шуйскихъ въ такія „надежныя“ руки, которыя бы никоимъ образомъ не выпустили ихъ на свободу.

Лицомъ, располагавшимъ такими средствами избавить этихъ недруговъ отъ ихъ тяжелаго бремени, представлялся тогда подступившій

¹⁾ „Царя Василія силою постригоша въ чернеческій чинъ... и предаша подѣ начало въ Чудовъ монастырь... А братію его князи Дмитрій да князи Іоанна Іоанновичевъ Шуйскихъ отдаша за приставовъ“ (*Палицынъ*, 207). „И постригши ево, государи, свезли ево въ монастырь, а братья ево государевы князь Дмитрій Ивановичъ и князь Иванъ Ивановичъ Шуйскіе были на своихъ дворехъ за приставы“. (Хронографъ Карамзина, *Лоповъ*, Наборникъ, 347. Ср. Никонов. лѣт., VIII, 140; Летопись о мятеж., 188; Рукопись Филарета, 32; и друг.). Отрѣшнавъ Шуйскаго отъ власти, взбунтовавшіеся „послали къ нему, чтобы онъ удалился въ свой собственный домъ, что онъ и сдѣлазъ; тотчасъ приставили стражу къ нему и къ братьямъ его князю Дмитрію и князю Ивану; сундуки и кладовыя ихъ опечатали“. Затѣмъ, когда обнаружился сношенія Василія съ его приверженцами и онъ былъ постриженъ, „положивъ его въ (крытыя) сани, отвезли въ монастырь, и тамъ уже держали его подѣ стражею“ (Записки *Жолывскаго*, 70, 71; ср. прилож. къ нимъ, 98; Русская Истор. Библиот., I, 641—642).

(24-го іюля) къ Москвѣ и стоявшій подъ ней гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій.

Русскій по происхожденію, но полонизированный католикъ по образованію и счастливый по королевской службѣ, Жолкѣвскій могъ во многомъ раздѣлять желанія Сигизмунда о подчиненіи Московскаго государства Рѣчи Посполитой. Понимая, однако, что, несмотря на побѣду подъ Клушиномъ, „не было достаточныхъ средствъ для приведенія дѣлъ къ концу войною“¹⁾, политически расчетливый и дальновидный гетманъ ставилъ цѣли меньшія, стараясь достичь ихъ путемъ „искусной“ политики. Побуждаемый обстоятельствами, онъ заключилъ и скрѣпилъ крестнымъ цѣлованіемъ договоръ о Владиславѣ на большихъ ограничительныхъ условіяхъ, а не о подчиненіи Московскаго государства подъ власть Сигизмунда, какъ хотѣлось бы королю; но въ то же время дѣйствовалъ въ нарушеніе условій, если это клонилось къ увеличенію его силы. По договору, онъ не могъ вступать съ своимъ войскомъ въ Москву и долженъ былъ, по отводѣ или уничтоженіи Самозванца, отойти отъ нея, и никого изъ жителей Московскаго государства нельзя было ни переводить, ни уводить въ плѣнъ²⁾, между тѣмъ „онъ“, по его собственному признанію, „думалъ о томъ, какъ бы съ тѣмъ войскомъ, которое при немъ было, безъ опасности, занять столицу“³⁾, и настойчиво старался такъ или иначе удалить въ Польшу лицъ, бывшихъ опасными для польскихъ интересовъ. Когда, вслѣдствіе даннаго договора, снаряжалось Великое посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, чтобы просить короля объ отпускѣ его сына на московскій престолъ и о принятіи условій, гетманъ хитро убѣждалъ, и дѣйствительно убѣдилъ, стать во главѣ пословъ князя Василія Васильевича Голицына, питавшаго притязанія на корону, и митрополита Филарета Никитича Романова, отца Михаила Ѳеодоровича⁴⁾; удаляемья изъ Москвы подъ столь благовиднымъ предлогомъ,

¹⁾ Записки *Жолкѣвскаго*, 75. Польскій текстъ:... „maiąc osobliwy na respekt, że dostatku do końca zrzeczu woyną niebiło“.

²⁾ Собраніе госуд. грам. и договоровъ, II, 199: Договорная записка Жолкѣвскаго, заключенная въ обозѣ подъ Москвою, съ русскіими боярами 17/27 августа 1610 г.—Условіе о непереводѣ: „В Польшу и в Литву и в—ныне государства Московскаго государства людей не разсылати; и жонъ и дѣтей ни чинихъ не позорити ни въ чомъ, и въ пологъ не имати и не зсылати, и з женами и з детьми никого не разводити“. Польскій текстъ въ рукописи бібліотеки Краснскихъ, л. 167, и *Pisma Żółkiew.*, 493.

³⁾ Записки *Жолкѣвскаго*, 89.

⁴⁾ Тамъ же, 86—87.

ѣти „подозрительныя“ лица оказывались теперь, въ случаѣ надобности, во власти Сигизмунда.

По мѣрѣ, если не болѣе, желалъ Жолѣвскій подобной участи второму самозванцу и всей семьѣ Шуйскихъ, „дабы освободить эту страну отъ сихъ людей, вполнѣдствіи же его величество король во всякомъ случаѣ могъ воспользоваться ими, смотря по обстоятельствамъ“ ¹⁾. Подославъ предъ тѣмъ „тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами для возбужденія ненависти противъ Шуйскаго“, а „въ частныхъ письмахъ“ не скупясь на обѣщанія и тѣмъ волнуя „умы“ ²⁾, гетманъ, едва узнавъ (22-го іюля) о низложеніи Василія Івановича и заключеніи подъ стражу его братьевъ, двинулся въ Москвѣ и съ дороги писалъ боярину князю Мстиславскому съ товарищами и всѣхъ чиновъ людямъ Московскаго государства, бывшимъ тогда въ столицѣ: „мы отъ сего (извѣстія о Шуйскихъ) въ досадѣ и кручинѣ великой и опасаемся, чтобы съ ними не случилось чего худого“. При этомъ онъ краснорѣчиво указывалъ на заслуги Шуйскихъ, на значеніе вообще знатныхъ людей для государствъ, на благовременность прекратить кровопролитіе и распри и установить миръ, на королевское желаніе всѣмъ добра, и убѣждалъ: „находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не попуская причинять имъ никакого насильства, разоренія и притѣсненія: ибо и ихъ наяснѣйшій король съ онымъ своимъ королевичемъ, равно какъ и всѣхъ васъ, великихъ бояръ, когда вы будете служить государямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣрїи и жаловать всѣмъ государскимъ жалованьемъ“. Все открытѣе продолжая выставлять себя доброжелателемъ бояръ и государства, готовымъ даже помогать имъ, свои домогательства о Шуйскихъ гетманъ повелѣ прамѣе и рѣшительнѣе по заключеніи договора о королевичѣ, когда онъ, оказываясь представителемъ Владислава, которому присягали и о которомъ

¹⁾ Тамъ же, 80. Въ подлинникѣ (послѣ сообщенія о начатыхъ гетманомъ сношеніяхъ съ Яномъ Сапѣгой, чтобы этотъ отложился отъ Самозванца и выдалъ его): „To in istum eventum p. hetman czynił, iż iuż welle umowy był mu wydany kniaz Wasyl Szuyaski przeszly car i z braciai kniazem Dymitrem i kniazem Iwanem, życzył tego, żeby i tego impostora królowi je. mości odesłać, iższy ziemię od tych ludzi exonerować, a potem in omnes casus król je. mość mógł ich według okazji zażyć“.

²⁾ Записки Жолѣвскаго, 67—68.

снаряжалось къ Сигизмунду посольство, являлся какъ бы союзникомъ договаривавшагося съ нимъ временнаго московскаго боярскаго правительства и настолько вліятельнымъ распорядителемъ отъ имени избраннаго государя, что раздавалъ уже помѣстья. Дѣло двигалось, и гетманъ увѣдомлялъ въ станъ подь Смоленскомъ, что думные бояре обѣщаютъ ему выдать королю всѣхъ Шуйскихъ, но подь условіемъ, чтобы король не оказывалъ имъ никакой милости, и что все имущество Шуйскихъ взято въ царскую казну. Отъ другихъ лицъ, близкихъ къ нему, приходили подь Смоленскъ такія вѣсти: Шуйскіе обобраны, у нихъ едва остались одни платья, въ которыхъ одѣты; бывшаго царя Василія еще не рѣшаются выдать за границу, чтобы онъ жилъ въ чужихъ краяхъ; братьевъ его, изъ боязни замѣшательства отъ ихъ рода въ государствѣ, совѣтовали отправить въ Польшу, если гетманъ поручится, что король не будетъ ихъ жаловать; въ противномъ случаѣ хотѣли-де перебить ихъ; женъ постригли въ монашество; Шуйскихъ отправляютъ къ королю вмѣстѣ съ послами („posłow tesz swoich dnia 21 wrzesnia wuprawnia, z nimi y Suyskich“).

Последніе слухи не оправдались. Жена Дмитрія Ивановича Екатерина Григорьевна оставалась при мужѣ; постригли лишь жену Василія Ивановича, молодую царицу Марію Петровну, рожденную Буйносову-Ростовскую, и отослали ее въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ она потомъ (1626 г.) и скончалась. Послы поѣхали (11-го сентября) одни, съ большою свитой и провожатыми¹⁾, безъ Шуйскихъ, которыхъ отправить съ ними было не возможно. Противъ выдачи бывшаго государя королю рѣшительно стояли патриархъ Гермогенъ и единомышленныя съ нимъ бояре и иныя лица. Независимо отъ сознанія позора и непристойности такого дѣла, они, въ виду нерѣшонности вопросовъ, повидимому, еще питали надежду, что Василій Ивановичъ можетъ пригодиться, если до поры до времени проживетъ гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ. Временному боярскому правительству, хотя въ немъ были виновники паденія Шуйскихъ, тоже не улыбалась перспектива, еслибъ Шуйскіе попали къ Сигизмунду; сомнѣвались, какъ бы король не сталъ, во вредъ Москвѣ и прежнимъ недругамъ, оказывать имъ „милость“, не сталъ „жаловать“ ихъ.

Составъ боярскаго правительства между тѣмъ быстро измѣнялся²⁾.

¹⁾ Акты Зап. Россіи, IV, № 182. *Голиковъ*, Дополн., II, 20—21.

²⁾ *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, изд. 4, т. VIII, 293 — 301, 331 — 339; *С. Ѳ. Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты. Спб. 1899 г., 467—474.

Одинъ за другимъ вступали въ него и въ высшую администрацію члены пестраго кружка прежнихъ тушинцевъ, которые предъ тѣмъ первыми перебѣжали на службу къ Сигизмунду и которыхъ пересылалъ онъ тепоръ въ Москву. По мѣрѣ усиленія ихъ слабѣла прежняя боярская дума, и глава правительства, князь Мстиславскій, и безъ того „дружественный“ къ Владиславу и Жолкѣвскому, становился все уступчивѣе. Протежируемые Сигизмундомъ, они „вѣрнѣ служили королевскому величеству и сыну его, государю королевичу“, стараясь уничтожить все, что напоминало о Шуйскомъ. Среди нихъ по своему значенію наиболѣе выдвинулись „бояринъ сенаторскаго рода“ Михаилъ Салтыковъ и „мужикъ“, бывшій торговецъ, потомъ царскій казначей Федоръ Андроновъ. Относительно Шуйскаго послѣдній писалъ подъ Смоленскъ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ: „а мнѣ сдалося, и хотимъ такъ учинить, чтобы запровадить его подъ Смоленскъ до королевскаго величества и чтобы ему подъ стражею мѣшкать (помѣщаться, заключаться) либо въ Кіевѣ, въ монастырѣ, или у васъ, моего милостиваго пана, въ вашемъ монастырѣ“. Предлагая, чтобы были удалены и замѣнены дѣятели царствованія Шуйскаго, онъ проситъ Сапѣгу прислать ему указанія и инструкцію о всѣхъ дѣлахъ съ велижскимъ старостомъ, литовскимъ референдаріемъ Александромъ Госѣвскимъ; буде же тотъ выѣхалъ изъ Смоленска, то отправить о томъ тотчасъ за нимъ въ дорогу ¹⁾. Прибывшій къ Жолкѣвскому съ подробнымъ наказомъ гетману дѣйствовать прямо въ королевскую пользу, Госѣвскій, какъ „хорошо свѣдущій въ дѣлахъ московскихъ“ ²⁾, сталъ правою рукою гетмана. Онъ тѣсно сошелся съ кружкомъ усиливавшихся агентовъ Сигизмунда. Задумано

¹⁾ Это письмо Андропова къ Сапѣгѣ, какъ составленное до пріѣзда (около числа 23-го августа, по сообщенію Жолкѣвскаго. Записки, 79; ср. Рус. Ист. Библ., I, 657—658) Госѣвскаго изъ Смоленска къ Жолкѣвскому и до посылки (Акты Ист., II, 356; Русск. Ист. Библ., I, 663) боярами лицъ къ смолянцамъ съ уведомленіемъ объ условіяхъ договора, могло быть написано только въ ближайшіе дни по заключеніи договора, а не „въ сентябрѣ“, какъ означено издателями его (А. Ист., II 355); слѣдовательно, въ эту уже пору были таковы тайныя предположенія гетмана съ нѣкоторыми изъ прежнихъ тушинцевъ относительно Шуйскаго и дѣятелей его царствованія. Андроновъ же пріѣхалъ съ королевскимъ письмомъ къ Жолкѣвскому, вопреки заявленію гетмана (Записки, 78), когда были „еще не постановлены рѣчи“ (А. Ист., II, 355), т.-е. предъ заключеніемъ договора.

²⁾ Такимъ признавалъ его Жолкѣвскій. Записки, 79. Русскій лѣтописецъ видѣлъ въ Госѣвскомъ „королевскимъ неправдамъ вѣрна совѣтника“. Рукопись Филарета, 39.

было, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли, постараться пока объ отсылкѣ Василя Ивановича въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Догадываясь, очевидно, о скрытыхъ намѣреніяхъ гетмана и его подручныхъ, патріархъ съ единомышленными боярами говорили, чтобы послать Василя, по его обѣщанію, въ Троице-Сергіевъ монастырь или, еще лучше, за русско-польскою стражей послать въ отдаленные крѣпкіе Кирило-Бѣлозерскій или Соловецкій монастыри и „тамъ всѣми обиходы устроить его по его достоинству“, держать въ соотвѣтственной чести. Но Сигизмундовы агенты стали „уже сильны въ Москвѣ“, а сборы Великаго посольства въ путь дѣлали для польской стороны неотложно настоятельнымъ, чтобы позади его не оставалось чего-либо грозившаго его усгѣхамъ, и Шуйскіе, чрезъ Голынского и при порывистой помощи Самтыкова и т. п. лицъ, были въ рукахъ гетмана еще до выѣзда пословъ изъ Москвы.

„Шуйскихъ—записалъ польскій современникъ событія и участникъ въ Московской войнѣ—выдали, чтобы лучше обезпечить правленіе Владислава, но съ тѣмъ однако, чтобы ихъ не вывозить изъ Московскаго царства; только имѣлось въ виду заключить ихъ подъ нашей стражей въ какомъ-нибудь укрѣпленіи“.

Жолкѣвскій обѣщалъ не вывозить Василя Ивановича изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, куда онъ чрезъ своихъ подручныхъ отправилъ его, объясняя боярамъ, что держать Василя въ отдаленіи отъ Москвы, какъ хотѣли бы единомышленники патріарха, опасно, что оттуда могутъ быть отъ него возмущенія. Монастырь Іосифа Волоцкаго стоялъ у тогдашней дороги къ Смоленску, верстахъ въ 130 отъ Москвы, на полосѣ расположенія польскихъ отрядовъ, оберегавшихъ безпрепятственность сношеній гетмана съ Смоленскомъ. Онъ не разъ служилъ мѣстомъ заточенія большихъ лицъ, на которыхъ обрушивалась опала (кн. Патрикѣевъ-Косой, Максимъ Грекъ, митрополитъ Дашилъ и др.) и былъ хорошо укрѣпленъ, огражденный двумя стѣнами, каменной и деревянной, съ бойницами. Начальникъ казацкаго тушинскаго отряда Бартошъ Руцкій могъ вынудить его къ сдачѣ (въ октябрѣ 1609 г.) только послѣ продолжительной осады¹⁾. По распаденіи Тушина часть поляковъ и русскихъ укрылась сюда, захвативъ съ собою въ плѣнъ митрополита Филарета Никитича. Оставшійся здѣсь гарнизонъ поступилъ на королевскую службу, но

¹⁾ Нежеланіе осажденныхъ сдаться Руцкому авторъ „Дневника событій Смутаго времени“ объясняетъ тѣмъ, что они не довѣряли ему („Ruckiemu nieufajac“).

вскорѣ былъ осажденъ московскимъ отрядомъ, изъ русскихъ и нѣмцевъ. Рущкій не могъ сдержатъ напора. Осаждающіе „сначала овладѣли деревянною крѣпостью и уже ворвались было въ каменную“; осажденные повыбили ихъ со стѣны, сожгли „деревянную крѣпость“ и бѣжали, преслѣдуемые осаждавшими, которые заняли весь монастырь и вывели оттуда въ Москву Филарета, много бояръ и польскихъ плѣнныхъ (въ маѣ 1610 г.). Лишь послѣ Клушинской битвы, когда къ Жолкѣвскому прибѣгали люди изъ ближайшихъ укрѣпленій, „сдавая ихъ на имя короля“, опять подчинился (въ концѣ іюня) гетману и Іосифовъ монастырь. Въ немъ гетманъ посадилъ того же Рущкаго, подѣ „стражу“ котораго онъ отдалъ теперь Василю Ивановича. Заключение, недавній владѣтель и распорядитель громаднхъ богатствъ, получалъ отъ Рущкаго питаніе скудное, едва не умиралъ съ голоду.

Князей Дмитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ гетманъ нѣкоторое время держалъ при себѣ, въ подмосковномъ станѣ. Тутъ засталъ (12-го — 22-го сентября) ихъ Янъ Сапѣга, отложившійся отъ второго Самозванца и передъ отходомъ въ Сѣверскую землю прѣизжавшій къ Жолкѣвскому, подкупившему его на деньги изъ царской казны и другими благами, „22-го (сентября и. ст.) Сапѣга — говоритъ въ его Дневникѣ — былъ у гетмана, гдѣ засталъ Шуйскихъ Ивана и Дмитрія, которыхъ московскіе бояре выдали Польшѣ, выпросивъ это у гетмана, чтобы они не думали уже болѣе здѣсь оставаться ради какой-либо крамолы, являвшейся отъ этого рода; въ это время и того Шуйскаго, который былъ прежде паремъ, постриженнаго отвезли въ Осиповъ“ ¹⁾. Братьевъ Шуйскаго гетманъ отослалъ съ Невядовскимъ въ крѣпость Бѣлую, которая также находилась у района пути изъ Москвы къ Смоленску, ближе къ послѣднему, и по прочности считалась тамъ одною изъ лучшихъ твердынь. Госѣвскій, когда король стоялъ у Смоленска, около полугода безуспѣшно облагалъ ее, пока осажденные, изъ 14 тысячъ человѣкъ оставшіеся въ числѣ тысячъ четырехъ, терпя голодъ и убѣждаемые нѣкоторыми боярами, не сдались (въ апрѣлѣ 1610 г.) ему, на имя короля и королевича, и онъ занималъ ее до выхода съ своимъ полкомъ къ

¹⁾ 22 (и. ст. сентябри 1610 г.) Sapieha był u hetmana, gdzie zastał Szuyskich Iwana i Dumitra, których moskiewscy boiarrowie wydali do Polski, uprosiwszy to u hetmana, aby tu już więcej być niezamyślali dla zdrady iakiey, która się przez dom ętem pokasowała, na ten czas i Szuyskiego tego, który był przed tym carem, postrzyżonego odwieziono do Osipowa“ (Dyaryusz J. P. Sapichy, II, 248).

Жолѣвскому подѣ Москву. Для заточенія въ ней князей Шуйскихъ она была выбрана, очевидно, по его указанію, какъ хорошо извѣстная и наиболѣе подручная ему ¹⁾).

Въ лагерь подѣ Смоленскомъ донеслась вѣсть какъ о выдачѣ, такъ и о ссылкѣ Шуйскихъ. О заточеніи гетманомъ Василя въ Іосифовомъ монастырѣ подѣ стражей прибавлялось въ вѣстяхъ, что „объ этомъ просили его сами бояре“; что же касается отосланныхъ въ Бѣлую, которая была сравнительно очень близко къ Смоленску, ожидаемому королемъ, то присоединялось, что „касательно ихъ бояре настойчиво просятъ, чтобы они не были допущены къ королю и чтобы ихъ держать въ строгомъ заключеніи“ (*boiarowie sollicitè proszą, zeby oszu sroła i. m. nie widzieli u zeby w ostroznym więzieniu byli*). „Просьба“ эта сохраняла, разумѣется, свое значеніе и относительно всѣхъ вообще Шуйскихъ. Не вывозить ихъ за предѣлы Московскаго государства и не отдавать ихъ королю представлялось обязательнымъ уже въ силу договора о призваніи Владислава, и этого должны были желать и ставить о томъ условія единомышленныя съ Гермогеномъ лица. Но въ „настойчивой просьбѣ“, какъ о ней сообщается въ извѣстіяхъ подѣ Смоленскомъ, слышится мнѣніе „бояръ“ не столько единомышленныхъ съ патріархомъ, сколько противоположныхъ, именно тѣхъ, кто боялся Шуйскихъ и относительно ихъ могъ говорить и поступать въ томъ направленіи, какъ писалъ Андроновъ Льву Сапѣгѣ ²⁾).

¹⁾ Свидѣтельства о заключеніи Шуйскихъ въ Іосифовомъ монастырѣ и въ Бѣлой: „Kniazia Wasila, ktory był hospodarem, odesłał (p. hetman) na Osipow, straz nad nim zleciwszy p. Bartoszowi Ruckiemu...; Kniazia Dymitra y kniazia Iwana przez p. Niewiadowskiego do Biley odesłał“ (Походъ Сигизмунда, 678—679). „Producitur e clauastro Basilius Suyscius dedidurque Zolkiewio..., sequuntur fortunam fratris Demetrius et Ioannes Suyscii... Et illum quidem Osipoviam amandatum Pauli Rucii custodiae imperator commisit, hi à Niewiadowio Bialam ducti ibique mansere detenti“ (*Kobierzicki*, 324). „Ты, Александръ (Госѣвскій), и Михайло Салтыковъ съ товарищи о томъ (послать Василя въ далекіе монастыри) насъ не послушали, а послали вы его, взявъ у насъ, въ Осиевъ монастырь“ (30 книга польскихъ дѣлъ, 129). „Онъ жъ (Жолѣвскій съ „тѣми измѣнниками московскими“—Михаилъ Салтыковымъ и др.) быша ужъ сидѣлы въ Москвѣ, тово не послушаху, и ево послаша въ Осифовъ монастырь“ (Никон. лѣт., 146). Объ отношеніяхъ Іосифова монастыря и Бѣлой къ Жолѣвскому, Рудкому и Госѣвскому — Русск. Истор. Библ., I, 143, 161, 187, 211, 569 и др. — Крѣпость Бѣлая имѣетъ городъ Бѣлый, Смоленской губ., въ 144 верстахъ отъ губернскаго города, на сѣверо-востокъ; уцѣлѣлъ въ немъ земляной валъ, сажень 460 въ окружности.

²⁾ По этимъ извѣстіямъ подѣ Смоленскъ, присланнымъ гетманомъ, Шуйскіе были

Все было произведено не гласно. Даже въ польскомъ войскѣ, стоявшемъ потомъ въ Москвѣ, думали, что Шуйскихъ отвезли въ

выданы ему боярами въ народное смятеніе (17-го—19-го сентября), вызванное подготовленіями вступить Жолкѣвскаго съ войскомъ въ Москву; испуганные бояре увидѣли въ движеніи „козми Шуйскихъ“ (Szuyskich factia), и „немного не дошло до того, чтобы бояре ихъ убилъ“ за то (Походъ Сигизмунда, 677—680). Такъ повторяется и въ исторической наукѣ, если касаются ближайшихъ причинъ и обстоятельствъ факта выдачи Шуйскихъ. Но въ вѣстахъ подъ Смоленскъ эта выдача влечена въ канву народнаго движенія лишь съ цѣлью увеличить въ глазахъ короля и поляковъ заслугу гетмана, что онъ сумѣлъ получить и сохранить Шуйскихъ живыми: до того-де были Шуйскіе опасны для польскаго дѣла и въ такой близости отъ смерти находились они! Движенію москвитинъ, какъ рассказывается въ тѣхъ же вѣстахъ, случилось „послѣ того, какъ Сапѣга ушелъ съ своимъ полкомъ“ отъ столицы къ Сѣверской землѣ, отложившись отъ второго Самозванца, укрывшагося въ Калугѣ, и тотчасъ какъ Госѣвскій пріѣхалъ (16-го сентября) въ Москву, чтобы росписать и заготовить полякамъ квартиры (тамъ же). Однако самъ же Жолкѣвскій въ своихъ „Запискахъ о московской войнѣ“ (80) сообщаетъ, что Шуйскіе были въ его рукахъ еще во время сношеній его съ Сапѣгой, чтобы тотъ отложился отъ Самозванца или выдалъ его, т.-е. еще довольно за значительное время до ухода (14-го сентября; Diagiuz, II, 218) Сапѣги отъ Москвы и до ошаченнаго московскаго движенія. Мы видѣли также, что Сапѣга всталъ у гетмана подъ Москвой братьевъ Шуйскаго 12-го сентября и о Василіѣ Ивановичѣ упоминалъ тогда, какъ уже объ отосланномъ въ Іосифовъ монастырь. Послѣдовавшій извѣстіямъ о Шуйскихъ „Походу Сигизмунда“, *Н. И. Костомаровъ* впалъ въ несообразныя противорѣчія, когда затѣмъ воспользовался и „Дневникомъ Сапѣги“. Изложивъ, по первому документу, о выдачѣ Шуйскихъ въ народное движеніе, происшедшее по случаю пріѣзда Госѣвскаго 16-го сентября въ Москву, и о входѣ Жолкѣвскаго съ войскомъ въ столицу по прекращеніи этого волненія, онъ присоединяетъ (Смутное время Московскаго государства, Историческія монографіи, изд. 3, Спб., 1884 г., VI, 46—47, 57), что „12-го сентября Сапѣга“, прибывъ „въ Москву къ коронному гетману проститься съ нимъ“, „увидѣлъ“ у него „братьевъ Шуйскихъ, Ивана и Дмитрія“, отданныхъ ему боярами... Критическое сличеніе всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ, источниковъ приводитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ: 1) выдача Шуйскихъ состоялась *ранѣе* послѣдняго посѣщенія (12-го сентября) Сапѣгой Жолкѣвскаго въ станѣ подъ Москвою и *послѣ* договора о Владиславѣ, *послѣ* появленія Михаила Салтыкова и др. тушинцевъ въ Москвѣ, прибытія Госѣвскаго къ Жолкѣвскому изъ-подъ Смоленска (см. выше, примѣч.) и въ пору первыхъ пріобрѣтеній отъ него вліянія на московскія дѣла, т.-е. именно въ періодъ, когда Великое посольство организовалось и собиралось въ путь, въ который оно отправилось 11-го сентября; 2) выдача ихъ отнюдь не связана съ какиъ-либо народнымъ движеніемъ, вызваннымъ ими, и они не находились въ такомъ опасномъ положеніи, какъ изображалось въ вѣсткахъ подъ Смоленскъ, а на основаніи ихъ и въ исторической наукѣ. Замѣтимъ, что при упоминаемыхъ о причинѣ выдачи Сапѣга, въ своемъ Дневникѣ, и Жолкѣвскій, въ своей бесѣдѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ (о ней ниже), говорятъ лишь вообще объ опасностяхъ отъ Шуйскихъ, а не о какомъ-либо опредѣленномъ случаѣ.

Троице - Сергіевъ монастырь, а русскіе люди, судя по писаннымъ затѣмъ о Смутномъ времени сказаніямъ, полагали различно: одни, что Шуйскіе по прежнему пребывали въ Москвѣ; иные, что всѣ они были препровождены въ Іосифовъ монастырь, и только немногіе узнали, что тамъ былъ заключенъ одинъ Василій Ивановичъ.

По договору объ избраніи Владислава, оба мѣста заточенія — и монастырь Іосифа Волоцкаго, и крѣпость Бѣлая — должны были сохраниться за Москвой. Бояре, надѣявшіеся на осуществленіе условій и довѣрившіе Жолкѣвскому, какъ бы предупреждались теперь, что вмѣстѣ съ тѣмъ останутся тамъ и Шуйскіе. Но уже самъ Жолкѣвскій такъ характеризовалъ всю свою московскую политику: „гетманъ, какъ всегда, такъ и въ это время, не пореставалъ дѣйствовать съ тонкостью, разными уловками“ ¹⁾. Заключение здѣсь Шуйскихъ имѣлось въ виду гетманомъ кратковременное, чтобы пока только лучше отвести глаза боярамъ, не раздражать московскихъ людей.

Такъ или иначе поскорѣе извлечь Шуйскихъ изъ московскихъ предѣловъ побуждалъ Жолкѣвскаго и король Сигизмундъ, опасавшійся ихъ и радовавшійся сообщенію гетмана, что „они будутъ въ нашихъ рукахъ“. Внушая Жолкѣвскому возможно не довѣрять москвитянамъ, которые, конечно, не безъ умысла поставили большія условія въ договорѣ объ избраніи и принятіи Владислава и требуютъ оставленія за ними и пограничнаго Смоленска, снѣтія съ него осады, король писалъ ему: „Вѣдь и эти мѣста, назначенныя на житіе Шуйскимъ, уже тѣмъ самымъ не надежны, что въ Москвѣ (Московіи). Мало ли у нихъ (москвитянгъ) разныхъ хитростей и средствъ, когда государство совершенно успокоится? Да они, находясь вблизи нашей границы, тѣмъ легче могутъ избавиться. Это народъ коварный; входя съ кѣмъ-либо въ тѣснѣйшую дружбу, именно и думаетъ о томъ,

¹⁾ Записки Жолкѣвскаго, 92. Въ подлинникѣ собственно: „nap hetman, iako nigdy, tak i wtenczas niezaniechywał przez praktyki szupny“. (Старинное выраженіе: „sziniec z kim praktyki — вдаваться въ проски, интриги“. Академика Дубровскаго Полный Словарь польскаго и русскаго языка. Варшава, 1876. 482). Андроновъ, помощникъ гетмана, близко понимавшій его отношенія къ боярамъ и вообще москвитянамъ, съ циничной похвалою писалъ о немъ Льву Сапѣгѣ, по поводу условій заключеннаго имъ договора о Владиславѣ: „гды было не учинить тѣхъ договоровъ по ихъ волѣ, тогда было, конечно, пришло на то, доставать саблю и огнемъ; а тожь сдалось его милости пану гетманови, лутчи ся съ ними тепере обойтись по ихъ штукамъ; а гды придуть до рукъ, тогда и тѣ ихъ штуки мало что помогутъ: а тожь и мы надѣмся на Бога, что и тѣ ихъ штуки къ часу нарушимъ, ихъ умыслъ на няую сторону, на правдивую наворотимъ“ (А. Ист., II, 355).

какъ бы его обмануть. И мы увѣрены, что вы не удалитесь отсюда, пока не устроите всего, что признаете цѣлесообразнымъ для осуществленія этихъ дѣлъ и нашихъ плановъ. О дальнѣйшемъ ходѣ всего придется, согласно вашему желанію, впоследствии переговорить съ нами устно“.

Поэтому мѣста заключенія Шуйскихъ, какъ расположенныя въ сторону къ Смоленску и въ районѣ, подвѣдомственномъ гетману, послужили вскорѣ лишь очень удобными передаточными пунктами по пути слѣдованія Шуйскихъ къ королю и въ Польшу.

Случилось это при отъѣздѣ самого Жолкѣвскаго.

Извѣстно ¹⁾, при какихъ обстоятельствахъ Жолкѣвскій былъ съ своимъ отрядомъ впущенъ (ночью съ 20-го на 21-е сентября) въ Москву боярами, опасавшимися движенія народа въ пользу Самозванца, и спустя съ небольшимъ мѣсяць выѣхалъ изъ нея. Какъ ни искусно устранивалъ въ ней положеніе своего отряда и свои отношенія къ москвитянамъ и даже къ патриарху, гетманъ предвидѣлъ, что должно выдти, когда въ ней узнаютъ объ истинномъ намѣреніи Сигизмунда—не отпускать Владислава и прямо подчинить Московское государство своему и польскому владычеству. На усиѣхъ московскаго посольства онъ не имѣлъ основаній надѣяться. Чтобы объяснить королю все и попытаться склонить его на признаніе договора, или же, въ противномъ случаѣ, оберегая свою честь, заблаговременно совѣтъ удалиться изъ столицы, Жолкѣвскій, поручивъ начальствованіе надъ польскимъ гарнизономъ Гостѣвскому, собрался къ выѣзду, объявляя боярамъ, что отправляется къ Сигизмунду просить его о скоромъ отпускѣ Владислава и что, отдѣлавшись у короля, немедля воротятся. Пока онъ съ своимъ кортежемъ торжественно ѣхалъ по улицамъ города, жители глядѣли изъ оконъ, толпились по дорогѣ, выражали пожеланія счастливаго пути; глава правительства, Метиславскій и другіе первостепенные бояре провожали далеко за городъ, верстъ за семь; тамъ они простились съ отъѣзжавшимъ ²⁾, и онъ вскорѣ

¹⁾ Никонов. лѣт., 144. 147; Записки Жолкѣвскаго, 89—99; Рус. Ист. Библ., I, 677—684; А. Зап. Рос., IV, 476—478; Н. М. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XII, гл. IV; С. М. Соловьевъ, VIII, 305—309; Н. И. Костомаровъ, VI, 46—61; Д. П. Иловайскій, Смутное время Московскаго государства. М., 1894, 180—183.

²⁾ „Князь Метиславскій и другіе первостепенные бояре проводили гетмана около доброй мни, а пока ѣхалъ онъ черезъ городъ, мръ, вся чернь по улицамъ забѣгала ему дорогу, прощаясь и благословляя“ (Записки Жолкѣвскаго, 98—99).

вступилъ въ полосу городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ его польско-литовскими военными отрядами.

Съ собою онъ везъ много царскихъ сокровищъ. По дорогѣ заѣхалъ онъ въ монастырь Іосифа Волоцкаго, гдѣ томился Василій Ивановичъ. Узникъ былъ въ простомъ черномъ монашескомъ платьѣ; Жолкѣвскій облекъ его „во изрядныя ризы“, въ свою, мірскую, одежду, польскаго покроя; Василій не хотѣлъ этого, но гетманъ поступилъ съ нимъ уже „нравомъ плѣнническаго обычая“ и взялъ съ собой. Къ Смоленску, очевидно, изъ Бѣлой, доставлялись и князя Дмитрій Ивановичъ съ женой и Иванъ Ивановичъ. Гетману теперь прештствовать тутъ уже никто не могъ. Въ Москвѣ надъ стрѣльцкимъ приказомъ и надъ польскимъ гарнизономъ начальствовалъ его „намѣстникъ“ Гостѣвскій, въ думѣ и по приказамъ засѣдало уже много прямыхъ агентовъ Сигизмунда, прислуживавшихся Гостѣвскому; гетманъ дѣйствовалъ въ областяхъ, фактически не подвѣдомственныхъ московскому боярскому правительству, на своемъ пути къ королю въ качествѣ какъ бы уполномоченнаго ходатая за московскій договоръ, за московскіе интересы ¹⁾.

„Jamque iter aggreditur deducente eum honoris causa Mscislavio cæterisque proceribus magnaue nobilium corona, deinde ingens populorum frequentia partim per vias occurrentium, partim e specularibus tectisque domorum prospectantium, gominatis vocibus abeunti discessum felicem precabantur“ (*Kobierzyczkj*, 354). О днѣ выѣзда гетмана изъ Москвы ближе узнаемъ изъ другихъ источниковъ. Янъ Саліга упоминаетъ о немъ подъ 28 октября (6 ноября), когда онъ узналъ объ этомъ (*Diariusz*, II, 250); Гостѣвскій говорилъ потомъ (1615 г.) московскимъ посланцѣмъ: „гетманъ... зъ Москвы отѣхалъ подъ Смоленскъ 30 дня мѣсяца октября“ (*А. З. Рос.*, IV, 478); очевидно, онъ разумѣлъ припадъ Жолкѣвскаго въ Смоленскъ (*Дополн. къ Дѣян. П. В.*, II, 100; *Рус. И. Библ.*, I, 689). Выѣздъ гетмана изъ Москвы надо отнести къ первой половинѣ двадцатыхъ чиселъ октября.

¹⁾ Въ исторической наукѣ и литературѣ или указывается только фактъ вывоза Шуйскихъ Жолкѣвскихъ, безъ яснаго означенія, откуда и какъ онъ взялъ ихъ (*Соловьевъ*, VIII, 309, *Иловайскій*, 183), или же обычно рисуется картина торжественнаго выѣзда Жолкѣвскаго вмѣстѣ съ Шуйскими прямо изъ Москвы, при чемъ-де народъ равнодушно смотрѣлъ на отъѣзжавшихъ плѣнныхъ, никто не осмѣливался выражать знаковъ сочувствія. Такому картинному описанію, видоизмѣнявшемуся и развивавшемуся въ частностяхъ (у *Карамзина*, XII, 155 — онъ еще полагалъ, что Василій былъ взятъ изъ Іосифова монастыря; *Костомарова*, VI, 61 — этотъ уже утверждалъ, что царя Василія нарочно „привезли снова въ Москву“ ко дню выѣзда гетмана; *С. Ф. Либровича*, Царь въ плѣну. С.-Пб., 1901, 33—34), положила начало *Niemcewicz* (*Dzieje panowania Zigmunta III*. Warszawa, 1819, II, 497), осмысливающей на Кобѣржичскаго, у котораго, однако, какъ приведено нами выше,

Для оправданія плановъ и дѣйствій Жолкѣвскаго относительно Шуйскихъ и для дальнѣйшаго движенія дѣла Сигизмундъ писалъ (20-го октября) боярамъ: „по договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы князю Василю, Дмитрію и Ивану Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобы тутъ въ государствѣ Московскомъ смуть они не дѣлали; поэтому приказываемъ вамъ, чтобы вы отчины и помѣстья ихъ отобрали подъ насъ, государя“. Последній наказъ былъ присоединенъ потому, что въ день написанія этой грамоты, при переговорахъ королевскихъ уполномоченныхъ съ московскими послами подъ Смоленскомъ, канцлеръ Левъ Сапѣга съ товарищами завелъ рѣчь „о вознагражденіи королю и войску, упомянутомъ въ гетманскомъ договорѣ“, хотя „послы и отвѣчали, что странно будетъ платить изъ московской казны за опустошеніе Московскаго государства и что объ этомъ вознагражденіи царь Владиславъ снесетъ послѣ самъ съ своимъ отцомъ“.

Нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Шуйскіе были въ кортежѣ при отъѣздѣ Жолкѣвскаго изъ столицы; напротивъ, онъ сообщаетъ, что послѣ выдачи Шуйскихъ Жолкѣвскому Василю былъ отосланъ въ Іосифовъ монастырь, а князья Дмитрій и Иванъ отведены Невѣдовскимъ въ Бѣлую (*Kobierzyskj*, 354, 324). Нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы народъ смотрѣлъ на Шуйскихъ, вывозимыхъ гетманомъ. Нанин лѣтописцы и повѣствователи говорятъ о вывозѣ Шуйскихъ глухо, въ общихъ чертахъ, иногда припоминая, что Василю Жолкѣвскій взялъ въ Іосифовомъ монастырѣ (Новый лѣтописецъ) или что изъ этого монастыря были взяты всѣ они (Руконисъ Филарета). Московскіе бояре потомъ утверждали: „какъ гетманъ Станиславъ Жолковскій пошелъ съ Москвы къ королю подъ Смоленскъ, и его (Василю) въ Освоовѣ монастырѣ взялъ самъ и братью его князя Дмитрея и князя Ивана сильно безъ боярскаго вѣдома и отвезъ ихъ къ государю своему“ (Дѣла Польскія Архивъ, кн. 30, л. 129). Объ отсылкѣ Шуйскихъ гетманомъ въ Іосифовъ монастырь и въ Бѣлую знали въ лагерѣ подъ Смоленскомъ давно, еще ранѣе выѣзда гетмана изъ Москвы (Походъ Сигизмунда, 679). Ворочать ихъ оттуда, за сотни верстъ, для вывоза въ кортежѣ, не было никакой причины. Изъ того района Жолкѣвскій могъ взять Шуйскихъ легко и удобно: но чтобы онъ торжественно, на показъ народу, везъ ихъ съ собой по улицамъ Москвы къ польско-литовскому королю—этого, независимо отъ условій договора о Владиславѣ и условій при выдачѣ Шуйскихъ, не могло быть ни по характеру политики гетмана, всегда осторожной, нераздражающей и благовидной, ни по взглядамъ и характеру самого московскаго населенія, которое никакъ не стало бы спокойно смотрѣть на такую униженную сцену и еще съ благожеланіями и „благословеніями“ провожать тщеславницѣгося ея виновника ся. И какими бы образомъ бояре, участники московскаго кортежа, могли обращаться потомъ къ Гостевскому, что Жолкѣвскій при выѣздѣ изъ Смоленска взялъ и увезъ Шуйскихъ безъ ихъ „боярскаго вѣдома“, еслибъ гетманъ не увезъ Шуйскихъ прямо изъ отдаленныхъ мѣстъ, куда власть московскаго боярскаго правительства тогда не проникла?!

Дѣйствія свои гетманъ съ своей стороны спѣшилъ оправдать передъ московскими послами. Послѣ первой же конференціи (2-го ноября) съ ними, онъ сказалъ Филарету Никитичу: слышитъ онъ его негодованіе, что бывшаго царя Василія привезъ и что одѣлъ его въ свѣтское платье: взялъ онъ его не по своей волѣ, а по просьбѣ бояръ, чтобы тѣмъ предотвратить смятеніе, которое могло произойти въ народѣ, да и въ Іосифовомъ монастырѣ Василій едва не умиралъ съ голоду; одѣлъ его по-свѣтски потому, что Василій самъ не хотѣлъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе „противно и нашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ“, это и патриархъ утверждаетъ. Митрополитъ возразилъ: Желаніе бояръ было, для отвращенія смятенія, послать Василія за польскою и московскою стражей въ крѣпкіе дальніе монастыри, отосланъ же въ Іосифовъ монастырь по желанію его, гетманову; отвозить въ Польшу не надлежало бы ни Василія, ни его братьевъ, ибо самъ гетманъ далъ слово не вывозить Василія изъ того монастыря и въ договорной записи съ нимъ утверждено, чтобы ни одного человѣка изъ русскихъ людей въ Польшу и Литву не вывозить и не ссылатъ. „Ты—укорялъ митрополитъ гетмана—на томъ крестѣ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договора: надобно бояться Бога; разстригать Василія непригоже, чтобы нашей православной вѣрѣ порухи не было; а если его въ Іосифовомъ монастырѣ, по твоимъ словамъ, не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его кормить не велѣли, бояре отдали его на ваши руки“.

Укоры гетману, ни переговоры съ нимъ не могли уже поправить дѣла. Жолкѣвскій дважды, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, тщеславно представилъ Шуйскихъ Сигизмунду — подъ Смоленскомъ при сенаторахъ и воеводахъ и въ Варшавѣ на сеймѣ, и они испытали все нравственное униженіе и тяжесть плѣва.

Лишь теперь и послѣ развившихся затѣмъ событій московскіе люди по достоинству оцѣнили свой поступокъ, что выдали царя Василія Ивановича. Лѣтописецъ времени Михаила Ѳеодоровича и близкій къ патриарху Филарету Никитичу, судившій о событіяхъ съ высшей религіозно-моральной и національно-русской точки зрѣнія ¹⁾, ревниво

¹⁾ „Авторомъ (Поваго лѣтописца, окончательно обработаннаго около 1630 г.) былъ человѣкъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и обсуждавшій событія исключительно съ религіозно-національной точки зрѣнія, безъ личныхъ симпатій и антипатій“. Проф. *Платоновъ*, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. С.-Пб., 1888, 268.

восклицалъ: „О, горе и люто Московскому государству! Какъ, не побояся Бога, не помня крестнаго цѣлованія своего и не постыдѣся сраму отъ всея вселенной, не умерли за домъ Божій Пречистыя Богородицы и за крестное цѣлованіе своему государю, самохотѣніемъ своимъ отдали Московское государство латинамъ и царя своего въ плѣны! О, горе намъ! Какъ намъ явиться и какой отвѣтъ дать за такіе грѣхи на праведномъ судѣ избавителю своему Христу и что скажемъ инымъ государствамъ въ оправданіе противъ ихъ укоровъ! Не многіе враги умыслили то, но всѣ мы погибли душами“. Прямыми виновниками выдачи онъ выставлялъ „измѣнниковъ московскихъ“ — Михаила Салтыкова и др., обрисовывая и силу тогда гетмана. Еще энергичнѣе пытались выгородить себя бояре Михаилъ Федоровича, называя московскимъ посламъ при установленіи новаго договора съ Польшей говорить польскимъ уполномоченнымъ, что они, бояре, царя Василія гетману Жолкѣвскому не отдавали, что виноваты въ томъ Александръ Госѣвскій и Михаилъ Салтыковъ съ товарищами и самъ Жолкѣвскій: первые взяли его у нихъ и послали въ Іосифовъ монастырь вопроку имъ, но слушал ихъ предложенія отпустить его въ дальніе монастыри, а гетманъ при отъѣздѣ взялъ всѣхъ Шуйскихъ „самъ“ „сильно, безъ боярскаго вѣдома“ и отвелъ ихъ къ королю „черезъ крестное цѣлованіе“; тогда владѣлъ всѣмъ и указывалъ въ приказы Госѣвскій, по приказамъ сидѣли его совѣтники, Московскаго государства измѣнники“ ¹⁾).

¹⁾ „А царя Василія мы гетману Желковскому не отдавали; мы бояре всѣ говорили, что было его отпустить по его обѣщанію къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь; а будетъ тутъ за королевичемъ, только бѣ гетманской приговоръ отъ васъ не нарушился, у Троицы въ Сергіевѣ быти нельзя, и его бѣ отпустить въ Кирилловъ или на Соловки, куда онъ произволить, и тамъ его всѣми обихода устроить по его достоинству; ино ты, Александръ (Госѣвскій), и Михайло Салтыковъ съ товарищи о томъ насъ не послушали, а послали вы его, взять у насъ, въ Осноевъ монастырь; да какъ гетманъ Станиславъ Желковскій пошелъ съ Москвы къ королю подъ Смоленскъ, и его въ Осноевъ монастырьъ взялъ самъ и братью его князя Дмитрея и князя Ивана сильно безъ боярскаго вѣдома и отвелъ ихъ къ государю своему черезъ крестное цѣлованіе, а мы гетману царя Василія сами не отдавали, и мысли нашей на то не бывало. Самъ ты, Александръ, помнишь, что всѣмъ владѣлъ ты и указывалъ во всѣ приказы, а въ приказѣхъ во всѣхъ были все твои совѣтники, а Московскаго государства измѣнники, но государи жь вашего королевскимъ листомъ черезъ гетманское крестное цѣлованіе“. Дѣла Польскія Архива, № 30, г. 1615—1616: „Отправленіе полномочныхъ російскихъ пословъ бояръ князь Ивана Воротынского, князь Алексѣя Сидяга, окольного Артемья Измайлова съ товарищи на съѣздъ“

Выдача бывшаго московскаго государя Василя Ивановича въ чужія руки и допущеніе вывезти его — дѣло до безответности преступное предъ Богомъ и своимъ государствомъ и безславное, постыдливѣйшее предъ людьми иныхъ государствъ, учинить его могли только „измѣнники московскіе“ и нарушители присяги, крестнаго цѣлованія — вотъ окончательное сужденіе, къ какому пришли во взглядѣ на него тогдашніе русскіе люди. Со стороны польской сужденіе о немъ опредѣленіе высказалъ самъ виновникъ его, практичный Жолѣвскій, именно, что плѣнными Шуйскими король могъ впоследствии пользоваться, смотря по обстоятельствамъ. Эти два воззрѣнія — морально-государственный и утилитарно-политическій взгляды — сталкиваясь, борясь и переплетаясь между собою, проходятъ затѣмъ яркою полоскою во всея послѣдующей исторіи, связанной съ пребываніемъ и съ памятью объ этомъ пребываніи Шуйскихъ въ литовско-польскомъ плѣну.

Несомнѣнно также, что, вопреки расчетамъ устроителей, плѣненіе Шуйскихъ скоро послужило, вмѣстѣ съ политикой Сигизмунда, къ пользѣ не Польши, а Москвы. Шуйскіе были самыми родовитыми тогда кандидатами на московскій престолъ, и съ удаленіемъ ихъ внутренняя династическая распря ослаблялась и облегчался путь для кандидата, ближе отвѣчавшаго строю людей, двинувшихся на спасеніе независимости своего государства. Пора появленія въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ московскаго посольства и доставленія Шуйскихъ, „это — по признанію историка Польши — была несомнѣнно минута, рѣшавшая судьбы Москвы, а вмѣстѣ съ ней и Польши; Сигизмундъ безвозвратно пропустилъ ее“¹⁾. Политическіе успѣхи Польши въ „старомъ спорѣ славянъ между собою“ дошли тогда до своего зенита, и Сигизмундъ съ его руководителями тогдашней польской политики, отуманенные успѣхами и извѣстными узкими тенденціями, тѣшили свой взглядъ декоративнымъ представленіемъ Шуйскихъ, за которымъ не разсмотрѣли начавшійся уже поворотъ въ исторической жизни, ведшій въ концѣ концовъ къ тому, что послѣдній польскій король, потерявъ Западную Русь и польскій престолъ, добровольно послужилъ для декораціи двора той государыни, при которой совершилось прекращеніе самой польской государственности.

межъ Смоленска и Острошковъ съ польскими посланьями... для постановленія между Россіей и Польшей вѣчнаго мира“ и проч., к. 128—129.

¹⁾ Проф. М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши. С.-Пб., 1891, II, 172.

Останки скончавшагося въ польскомъ плѣну Шуйскаго нѣкоторое время покоились въ Варшавѣ, и въ этой мѣстности, напоминая о томъ, стоитъ теперь русская школа съ церковью для русскихъ дѣтей, а останки Шуйскаго покоятся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, среди гробницъ московскихъ царей.

Дн. Цвѣтасовъ.